

ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА

О БОГОИЗБРАННОСТИ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

А.М. Иванов

«... для Эллинов безумие»

(1-е Коринф. 1,23)

До сих пор мы знали лишь один народ, именующий себя богоизбранным, – евреев. Да и те якобы тяготеют этим бременем, если верить их же анекдоту:

Молится старый еврей: «Адонаи, ато бхартону» - «Господи, Ты нас избрал». И продолжает свою молитву таким образом: «Господи, Адонаи, скажи, пожалуйста, не можешь ли ты, наконец, избрать кого-нибудь другого?»

Анекдот, конечно, кокетливый. Ни евреи не собираются отказываться от своего статуса «особого благоприятствования», ни их национальный Бог никакую другую нацию избрать не может по определению. Это может сделать только другой Бог в рамках нового исторического цикла. Может это произойти и без участия какого бы то ни было бога.

Мне придется повторить то, что я уже писал об этих циклах в своей работе о Ницше и Эволе, опубликованной в сокращении в первом номере журнала «Атений», и еще раньше – в известном на Западе самиздатском манифесте русских националистов «Слово нации», который датируется 1970 годом.

Исторические циклы жизнедеятельности народов Европы и Передней Азии (мы рассматриваем здесь судьбы только этих народов) имеют продолжительность около 2000 лет. Каждый из них делится на четыре квадранта примерно по 500 лет и связан соответственно с определенными процессами развития, расцвета и упадка.

Первый квадрант предшествовавшего нашему античного цикла (1500 – 1000 гг. до н.э.) это время первых, нестойких объединений (Микенский период, эпоха Троянской войны), второй (1000 – 500 гг. до н.э.) – период раздробленности, третий (500 – 0 гг. до н.э.) – время наиболее бурных политических событий (соперничество Афин и Спарты, затем возвышение Македонии и подчинение Греции Риму) и расцвета античной культуры и, наконец, последний квадрант (0 – 500 гг. н.э.) характеризуется противостоянием двух сверхдержав, Рима и Парфии (Персии), причем обе они в конце концов терпят крах.

В нашем, современном цикле первый квадрант (500 – 1000 гг.) – это время таких нестойких образований как империя Карла Великого и Киевская Русь, второй (1000 – 1500 гг.) – период феодальной раздробленности, третий (1500 – 2000 гг.) – пик политической и культурной активности, борьба Франции и Германии за европейскую гегемонию, создание мировой Британской империи и в конце XX века – противостояние двух сверхдержав – США и СССР.

Создается впечатление, что мы имеем дело с разными воплощениями одних и тех же архетипов. То же самое происходит и с отдельными выдающимися личностями.

Можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что Александр Македонский и Наполеон это два воплощения одной и той же сверхличности, на примере которой выявляется вторая историческая закономерность, а именно – закон компенсации: неудача в одном историческом цикле компенсируется успехом в другом или наоборот. Корифеи греческой философии и драматургии снова рождаются под другими именами в Германии и во Франции... Но слишком увлекаться поисками подобного рода «двойников» не рекомендуется: это может превратиться в манию, и явные аналогии будут дискредитированы притянутыми за уши.

Античному циклу предшествовал шумеро-семитский (3500 – 1500 гг. до н.э.). В нем Афинам и Спарте соответствовали Лагаш и Умма, Македонии – Аккад, Риму – Вавилон, а Персии – Элам.

Отношения между циклами тоже строятся по закону компенсации. Оттесненный на задний исторический план семитский цикл отомстил победоносному античному циклу, одержав над ним духовную победу с помощью христианства.

Мы сегодня находимся в той же фазе своего цикла, на какой в предыдущем появилась новая мировая религия – христианство. И по закону компенсации та религия, которая стучится в дверь истории в наши дни, должна стать реваншем античного мира. Предыдущий, семитский реванш осуществлялся, как известно, при посредстве одного народа и одного человека, причем отношения между этим народом и этим человеком были, мягко говоря, весьма сложными. Еврейский народ, уверовав в свою «богоизбранность», понимал ее совершенно неправильно и так до сих пор и не понял, что только благодаря человеку, которого он отверг и даже обрек на казнь, он и стал «богоизбранным»: он был избран волею управляющих миром Судеб на роль среды, в которой явился основатель новой религии. Это было одновременно и избранием Бога: Ягве, который до этого, как писал А. Франс в «Восстании ангелов» «был известен в мире... всего лишь несколькими жалкими сирийскими племенами, отличавшимся долгое время такой же жестокостью, как и он сам, и непрестанно переходившим из одного рабства в другое», превратился в глазах миллионов людей в единого и единственного Бога.

Евреи же думали, что некая всемогущая сила поможет им одолеть любого противника. Поэтому они дважды дерзко бросали вызов Римской империи. Лидера второго еврейского восстания Бар Кохбу известный в те времена рабби Акиба провозгласил Мессией, и евреи этому поверили. Однако их ждало жестокое разочарование. Ни они, ни остальной мир еще не знали, что настоящий Мессия уже приходил за сто лет до этого. Тайна сия была открыта лишь немногим.

Сегодня христианский мир живет в ожидании второго пришествия своего Мессии, но не дожидается этого. Нелепо ждать того, что уже свершилось.

Согласно хтоническим толкованиям, Вергилий в своих «Буколиках», в IV эклоге, предсказал рождение Христа. Но это было не предсказание, а скорее неясное предчувствие, облеченное в языческие формы. Нечто подобное произошло с основателем секты адвентистов Уильямом Миллером. Он предсказал второе пришествие Христа на 1844 год. Но того, что ожидал Миллер, в указанном году не случилось. Этот год был отмечен другим событием: родился Фридрих Ницше.

Чтобы правильно понять, кем на самом деле был Ницше, необходимо разобраться, прежде всего, в его т.н. безумии. Такую попытку сделал Мигель Серрано в своей работе «Ницше и вечное возвращение» (перевод с французского издания этой книги

см. в 1 журнала «Атений»), в заголовок одного из разделов которой вынесен прямой вопрос: «Мог ли Ницше избежать безумия?» Для М. Серрано «несомненно», что Ницше «должен был сойти с ума», но слово «должен» в данном случае звучит слишком неопределенно. Должен в силу естественной логики своей болезни или речь идет о каком-то другом, более высоком долге? М. Серрано, вообще-то, идет по верному пути, когда пишет, что «Я» располагает несколькими индивидуальностями внутри круга Вечного возвращения», но потом он сбивается с этого пути и начинает нести околесицу, отождествляя личность Ницше с личностями Цезаря, Шекспира, Бэкона, Вагнера и Бисмарка. В двух последних случаях тождество было невозможным по определению, поскольку эти личности существовали одновременно друг с другом и с Ницше, три других персонажа тоже прилеплены не к месту (если их на самом деле три: есть теория, что под псевдонимом «Шекспир» писал Бэкон).

Гораздо важнее другое: Ницше в состоянии безумия подписывался и «Дионис». И «Распятый». Последняя подпись обозначает, что Ницше осознавал себя вторым воплощением той же сверхличности, первым воплощением которой был Иисус. Подпись же «Дионис» имеет другое значение: это указание на традицию, на которой должна основываться новая религия. Для Иисуса такой же опорой была ветхозаветная традиция, которую он и продолжал и обновлял. Ницше вовсе не призывал возродить культ Диониса, но именно эта традиция была для него главной, и А. Боймлер, находившийся под влиянием Бахофена и презрительного отношения последнего к «христианским» культам, зря старался принизить значение Диониса в ницшеанстве, лишая тем самым учение Ницше его стержня. Сам Ницше, напомним, именовал себя «учеником Диониса» – учеником, но не воплощением.

Здесь важно отметить, что речь идет вовсе не об ископаемой, а о вполне живой традиции. Французский музыкант и писатель Ален Даньелу (1907-94), одна из книг которого носит характерное название «Шива и Дионис», провел много лет в Индии, обратился в шиваизм и обнаружил, что «обряды и верования древнего западного мира очень близки к шиваизму и легко объясняются с помощью текстов и ритуалов, сохранившихся в Индии» (из воспоминаний Луи Паскье о встречах с А. Даньелу, журнал «Antaios», т.2, 1, март 1994). Жан-Луи Габен, ученик А. Даньелу, пишет: «Мы понимаем под изначальной традицией великую доисторическую религию, следы которой археологи обнаруживают повсюду, от долины Инда до Англии и Дакии, в виде культов вселенской Матери, фаллоса и быка, культов, сходство которых с культурами шумеров, критян и пеласгов А. Даньелу показал в своей книге «Шива и Дионис», некоторые обряды которых сохранились до наших дней (египетский зикр, обряды берберов Северной Африки). Эта традиция, известная в Индии под именем шиваизма, осталась там народной религией, несмотря на ведизм, навязанный арийскими захватчиками. По словам самого А. Даньелу, «варвары-захватчики, вторжениями которых повсюду знаменовалось начало Кали-Юги, навязали свои мифы и культуры как в Индии, так и в Греции и Риме, оттеснив шиваитско-дионисическую традицию в подполье. В результате в Индии возникли две параллельные традиции, одна официальная, ведическая, другая тайная, шиваитская» (Antaios, 6-7, июнь 1995). А. Даньелу постоянно подчеркивал доарийский характер шиваитской религии (Antaios, 12, декабрь 1997).

Оспаривает эту точку зрения в журнале «Наследие предков» 5 Свами Садашивачарья, основавший в России духовное общество «Тантра-Сангха». Он как дикий зверь набрасывается на тех, кто считает Шиву «неарийским божеством», а цивилизацию долины Инда – протодравидской. Он работает в русле модного в современной Индии «индоцентризма» (в Бельгии тем же самым занимается Кунрад

Эльст), теории, согласно которой никакого арийского вторжения в Индии не было, а арии якобы жили там спокон веков и оттуда распространились по всему миру. Ничего общего с наукой эта теория. Разумеется, не имеет.

Выдающийся русский индолог Н. Р. Гусева неоднократно подчеркивает в своей книге об индуизме, что Шива – неарийское божество. «Все исследователи, - пишет она, - сходятся во мнении, что Шива почитался в Индии до прихода арьев» (Индуизм. М., Наука, 1977, с. 90-91). «По представлениям ведических арьев, весь культ Шивы был им чужд и для них неприемлем в период их появления в Индии» (там же, с. 86). Этот культ можно географически связывать с районами цивилизации долины Инда (там же, с. 94).

Русский Свами и слышать не хочет о дравидах как о создателях этой цивилизации. Однако надписи, оставленные этой цивилизацией, были обработаны на ЭВМ. И в результате «индоевропейские языки... отпали сразу же: их сближению с протоиндийским помешало прежде всего отсутствие в последнем префиксов... Путем последовательного перебора отпали все языки, кроме дравидских, их грамматические структуры совпали полностью, все до единого признака» (М. Ф. Альбедиль. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., Наука, 1991, с. 100).

О шиваизме здесь говорить вовсе не затем, чтобы призвать следовать примеру А. Даньелу, а только затем, чтобы указать на существование живой традиции, с которой можно сверяться. Сверяться с ней, но не следовать ей. Новый Завет Ницше отменил этот Ветхий Завет. Кстати, еще одно совпадение с предыдущим циклом. За 600 лет до Христа было создано Второзаконие; за 600 лет до Ницше тамильский богослов Мейкандар основал в шиваизме школу плюралистического теизма.

А. Даньелу вспоминает, что во время войны, когда он жил в Бенаресе, местные ведические ортодоксы симпатизировали арийской теории нацизма, тогда как представители шиваитской традиции относились к ней враждебно (Antaios, v XVI, весеннее равноденствие 2001). И сейчас самое время вернуться из путешествия по Индии обратно в Германию, страну, давшую миру Ницше.

С немцами в нашем цикле произошла та же история, что в прошлом – с евреями. Уверовав в свою «богоизбранность» (Gott mit uns), они в XX веке дважды бросали вызов «новому мировому порядку», который давно уже начали устанавливать англосаксы, но оба раза были разбиты. В Гитлера они тоже верили как в Спасителя, М. Серрано до сих пор именуется его «аватарой» и ведет новое летоисчисление от рождения Гитлера, но он только повторяет ошибку, совершенную некогда рабби Акибой в оценке Бар Кохбы. Но подлинный новый Мессия родился в Германии за сто лет до ее последнего разгрома, и с тех пор, с 1844 года, немцы и стали богоизбранным народом, сами того не ведая. Тайна эта доныне остается неразгаданной, хотя пора бы уже ее разгадать, ибо настало время.

«А мы проповедуем Ницше безумного». Осознал ли он, кто он есть, только будучи в состоянии «безумия» или еще раньше? В любом случае он не должен был свидетельствовать сам о себе, как Иисус Евангелия от Луки (9,21) сам не называл себя Мессией и другим запрещал делать это. Ницше, действительно, должен был сойти с ума, но не по той причине, как думает М. Серрано. Именно в тот момент, когда Ницше стал догадываться о своем назначении, над ним опустилась завеса безумия, чтобы его слова воспринимались как слова безумца. Безумие для Ницше было такой же роковой неизбежностью, как крестная смерть для Иисуса. Поверить в божественное происхождение того, кого распяли, столь же трудно, как поверить в

божественное происхождение того, кто сошел с ума. Сколько веков прошло, пока утвердилось христианство? А Ницше умер всего сто лет назад.

Роковая неизбежность страшила Иисуса, и он молился «Да минет меня чаша сия». Ницше противился выполнению своей миссии, он не хотел пророчествовать, как пророк Иона, он не хотел, чтобы его сочли за пророка. Иону Бог заставил заниматься тем, чем ему положено было заниматься, а Ницше против своей воли начал говорить языком пророка. Но воля Судьбы была такова, чтобы его не услышали, а те, кто услышал, – поняли неправильно.

Судьбе было угодно, чтобы немецкий народ прошел через горнило испытаний. С ним не случилось того, что с евреями во II веке. Он не был рассеян по лицу Земли, а лишь на несколько лет утратил свою государственность. Со временем был преодолен и раскол страны. Но трудно сказать, с кем история обошлась более жестоко. Евреи потеряли свою родину, но сохранили свое духовное единство, немцы же остались в своем государстве, но в результате духовной кастрации именуемой «перевоспитанием» они отказались от своих национальных духовных традиций в пользу американской жвачки, и по поводу этой утраты Гете тоже сказал бы, что «лучше было бы не родиться».

Кстати о Гете. Гуннар Порикис приводит в своей статье «Магический взгляд на мир – гетеанец Карл Фёрстер» (журнал «Слейпнир», 34, 2001) слова Гете, якобы записанные Ф. В. Римером в 1832 г. О подлинности этих слов идет спор между специалистами, но К. Ферстер считал их подлинным завещанием Гете немецкому народу:

«Антипатию народов к евреям, в которой глубокое уважение усиливает отвращение, можно сравнить лишь с одной другой: с антипатией к немцам, роковая роль которых, а также их внутреннее и внешнее положение среди народов самым удивительным образом сходны с еврейскими. Признаюсь, у меня иногда дух захватывает от страха, что однажды соединенная ненависть мира к немцам, которые тоже – соль Земли, выльется в исторический бунт».

«... Злосчастный народ, он плохо кончит, потому что он не хочет понять самого себя, а каждое непонимание самого себя вызывает не только поношения, но и ненависть мира и создает внешнюю угрозу... Судьба покарает немцев, потому что они предали себя и не захотели быть тем, что они есть».

Ну хорошо, пускай подлинность этих слов Гете оспаривается. Но можно сослаться на аналогичные высказывания другого автора, который в эпоху национал-социализма, наряду с Ницше, пользовался в Германии примерно таким же авторитетом, как в СССР – классики марксизма-ленинизма – на Пауля де Лагарда. В период внешнего могущества Германии, в первое десятилетие Второй империи, он писал о немцах как о «самой ненавистной нации в Европе», к которой относятся так же, как к евреям и иезуитам. Внешний блеск империи не ослеплял его, он отказывался признать новую Германию немецкой, видел в ней некий «искусственный продукт» и сокрушался, что Германия, которую мы любим и какой мечтали бы ее видеть, никогда не существовала и, может быть, никогда не будет существовать». «Если правительство и народ не сойдут с нынешнего пути на совершенно иной, - предрекал он, - я не могу ожидать от земного будущего Германии ничего другого, кроме мира в одеяниях небес, деспотизма, выдаваемого за свободу и превращения Земли в один большой склад товаров, которые никому не будут в радость и не послужат созданию новых ценностей, т.е. не будут никакой новой и менее всего немецкой религии, ибо

будущее всегда вырастает из отдельной личности, а личность умышленно задвигается правительством и партиями на задний план и даже преследуется».

Все эти цитаты взяты из статьи П. де Лагарда со знаменательным названием «Религия будущего» («Deutsche Schriften». Verlag der Freunde. Berlin. 1994. S. 209-258). Де Лагард понимал: «Путь к религии это сама религия; по нему идут отдельные личности, а нации – только через отдельных людей». «Все духовное на Земле должно иметь тело, чтобы иметь возможность действовать в истории: это тело создается само собой там, где духу не мешают его строить. Таким образом, первоначально речь идет, главным образом, об устранении препятствий, о создании... общины. Если в Германии не найдется – и притом быстро – людей для такой попытки, нам придется отказаться от будущего нашей родины: Германия тогда будет еще какое-то время существовать, но она довольно быстро перестанет жить».

П. де Лагард верил, что есть лишь один вселенский закон: «ничто в мире не может стать чем-то иным, нежели тем, чем оно должно стать, для чего оно предназначено». Он верил, что у германцев есть «естественные задатки» для создания церкви будущего. Этот процесс будет длиться столетия, но «только на пути к вечной жизни лежит родина, равно как в вечной жизни немцы, как и представители любой другой нации как таковые, будут по-прежнему признаваться немцами, и Бог и все святые будут любить их не просто как личностей и людей, но и как немцев».

Итак, П. де Лагард видел историческую миссию немцев в создании новой религии, но эта религия, по его мнению, должна была быть оригинально немецкой, свободной от всяких чужеродных наслоений. Немецкую классическую литературу XVIII века он считал немецкой только в лицах отдельных ее создателей, но не как литературу, так как она была, с одной стороны, космополитической, а с другой – стремилась к греческим и римским идеалам.

Здесь П. де Лагард заблуждался, поскольку категории цикличности и компенсации не принадлежали к его мыслительному арсеналу. Эллинофильство корифеев немецкой литературы XVIII века, которое казалось ему лишь интеллектуальной забавой гениев, было на самом деле этапом того реванша, о котором говорилось выше. И если Ф. Шиллер в своем знаменитом стихотворении «Боги Греции» только риторически призывал вернуться «светлый мир» Античности, то Ф. Гельдерлин был уверен: если божественное некогда существовало, то оно обязательно вернется, потому что оноечно.

Фридрих Гельдерлин заслуживает особого внимания как своего рода духовный предтеча Ницше. Оба они кончили безумием, причем Гельдерлин провел в этом состоянии гораздо больше времени – целых 37 лет. Гельдерлин тоже поставил Диониса на один уровень с Христом и тоже потерял от этого душевное равновесие. Пьер Шассар в своей работе о Хайдеггере ставит в вину Гельдерлину религиозный синкретизм, смешение еврейского бога с богами греков и пеласгов, но он предъявляет данному поэту завышенные требования. Для своего времени Гельдерлин и так зашел слишком далеко.

Как пишет в своей статье о Гельдерлине в «Истории немецкой литературы» (т. 3. М., Наука, 1966) Н. Я. Берковский, «среди мировых поэтов он, вероятно, был самым убежденным и стойким энтузиастом [античности]... Эллада... была для него предсказанием, какой строй отношений и какая культура могут и должны водвориться снова в Европе». Он был «предан Элладе в символическом ее значении... Подземная Эллада – это Европа со всеми тайными возможностями своего будущего».

«Гельдерлин воскресил по-своему античную мифологию и античных богов», но произвел основательную чистку на Олимпе, мало кого там оставив. Примечательно, что герой романа Гельдерлина «Гиперион» носит имя одного из титанов, представителей враждебной олимпийцам группы богов, к которым, как к низшим «хтоническим» существам, богам презренных пеласгов, очень плохо относились Бахофен, Боймлер и Эвола. Эту же линию продолжает и П. Шассар.

Как отмечает Ален де Бенуа в своей книге «Как можно быть язычником?» (Париж, 1981, с. 19-20), немецкие романтики начала XIX века подчеркивали глубокое сходство эллинского духа и духа немецкого народа. О. Вейнинггер с неодобрением констатировал единство греческого и германского миров в их противоположности христианскому миру. Но если во времена Винкельмана и Шиллера «греческий мир» воспринимался как некий идеал красоты и гармонии, то позже стали понимать, что это был «прекрасный и яростный мир», если пользоваться названием одной из повестей А. Платонова. Греческий мир был этнически многослойным, это отражалось на его пантеоне, философии и литературе. И на смену призыву «Назад к грекам!» пришли выяснения вопроса, к каким именно грекам.

Ницше с гордостью заявлял, что он «был первым, кто для понимания древнейшего... эллинского инстинкта воспользовался этим удивительным явлением, носящим имя Диониса». Правда, при этом он отдавал должное своему швейцарскому учителю Якобу Буркхардту, который посвятил этому явлению специальный раздел в своей «Истории греческой культуры». «Совсем иначе относимся мы к понятию о «греческом мире», составившемся у Гете и Винкельмана, когда находим его несовместимым с тем элементом, из которого вырастает дионисическое искусство с его оргиазмом», - продолжает Ницше, приходя в итоге к выводу, что Гете не понимал греков («Гении будущего»).

Ницше связывал порчу греческого духа с явлением Сократа. А немецкий дух? Не произошло ли нечто подобное и с ним? Ф. В. И. Шеллинг сказал в своей вступительной лекции в Берлинском университете 15 ноября 1841 года, что в дни национального унижения философия поддерживала немцев. Но он был против подмены живой действительности логическими понятиями (камешек в огород Гегеля).

Эрнст Крик в своей автобиографии рассказывает о застойных временах Второй империи, когда единственной отдушиной для мыслящей молодежи была немецкая идеалистическая философия. Позже, в период политического подъема в Германии Э. Крик преодолел свои идеалистические увлечения. Сегодня, когда в Германии опять безвременье, Хорст Малер и его друзья по «Немецкому лекторию», снова видят путь к духовному возрождению Германии в возврате к немецкой идеалистической философии.

Но не сидит ли там, где они надеются найти убежище, свой немецкий Сократ? Сидит. И его имя давно известно. Это – Кант.

Ницше относился к Канту так же отрицательно, как к Сократу. Однажды он даже обозвал Канта «кенигсбергским китайцем». В романе русского писателя-ницшеанца Андрея Белого «Петербург» главному герою является в галлюцинации некий туранец (монгол) и происходит такой диалог:

- Кант (и Кант был туранец).

- Ценность, как метафизическое ничто!

- Социальные отношения, построенные на ценности.
- Разрушение арийского мира системой ценностей.
- Заключение: монгольское дело.

Туранец отвечает: «Задача не понята: § первый – Проспект».

- Вместо ценности – нумерация: по домам, этажам и комнатам на вековечные времена.
- Вместо нового строя зарегистрированная циркуляция граждан Проспекта.
- Не разрушение Европы – ее неизменность...
- Монгольское дело.

Роман А. Белого печатался в журналах в годы Первой мировой войны, когда в России были очень сильны антинемецкие настроения. Тогда же его друг, философ, В. Иванов опубликовал статью «Россия, Англия и Азия», в которой, цитируя приведенный выше отзыв Ницше о Канте, указывал на якобы существующее «глубокое, сокровенное сходство и сродство» между германским и китайским духом. Якобы «только в Германии да еще в Китае народное сознание есть сознание муравейника» (В Иванов. Родное и вселенское. М., 1994, с. 379).

Бедные немцы! Они уже совсем было вообразили себя древними греками, а эти ужасные русские вдруг взяли и приравнили их к китайцам. А кто виноват? Кант!

Ницше занес Канта в свой список «невыносимых». Он писал, что не может «простить немцам того, что они впали в такое заблуждение относительно Канта и его «философии задворок». «Немцы только терпели своих философов и прежде всех этого горбуна с самым большим горбом, какой только существовал когда-либо, этого человека, искалечившего отвлеченные понятия, «великого» Канта». Ницше видел в Канте, который проповедывал в «отвратительной схоластике» распадение разума, чувственности, чувства и воли, - антипода Гете. По его мнению, «разделение мира на «истинный» и «кажущийся» в смысле Канта указывает собою на упадок - это симптом заходящей жизни».

Канта можно считать антиподом не только Гете, но и самого Ницше. Если кто из немцев и был дальше всего от греков, так это Кант. Собственно говоря, Канта нельзя причислить ни к немцам, ни к грекам, ни к китайцам, ни к людям вообще – это был какой-то философствующий компьютер. Читать его философию выражением немецкой сути, значит, оскорблять немцев.

Разбирая критику Ницше в адрес Канта в своей книге «Ницше. Финализм и история» (Брюссель, изд. Менгаль, 1999), Пьер Шассар напоминает, что целью Канта было «покончить с любыми возражениями против морали и религии». Ради этого Кант и разделил реальность на два мира разной природы и неодинаковой ценности и разработал концепцию морали как мировой сущности. Кантовский категорический императив, исходящий из высшего, «истинного» мира Ницше считал угрозой всему живому; по его мнению, у каждого должен быть собственный категорический императив. Нет ничего более подавляющего, чем абстрактный закон, которому надлежит повиноваться вопреки собственным жизненным тенденциям; нет ничего более разрушительного, чем всеобщая мораль, обращенная против самого себя. «Может ли что-либо быстрее лишиться сил, чем работа, мышление и чувства без

внутренней необходимости, без глубокого личного выбора, без радости, а только с автоматическим подчинением «долгу»?» Кант, этот «нигилист с христианским и догматическим нутром, считал радость препятствием» (все цитаты из «Антихриста»).

По Канту, история движется к установлению мирового порядка, предназначенного Провидением. Так что у нынешней глобализации был свой теоретик, живший 200 лет назад. Единый порядок и единая мораль для всех – можно ли представить себе что-нибудь более омерзительное? А руководить этим порядком будет технбюрократия. Ницше не зря шутил, что высшую формулу для сущности государственного чиновника дает именно кантовская философия: «государственный чиновник как предмет, сам по себе, поставлен судьей над государственным чиновником, как явлением». Бездушный философ как нельзя лучше подходит для бездушной бюрократии.

Непреодолимая пропасть разделяет Канта и де Лагарда, который связывал все свои надежды на будущее с отдельными личностями, а не с государством, этим «вице-богом», и сожалел, что жизнь отдельных людей до мелочей определяется разными учреждениями и эта зависимость со временем будет только усиливаться.

Ну а Ницше достаточно недвусмысленно выразил свое мнение о государстве в «Заратустре», в главе «О новом кумире»: «Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно лжет оно; и эта ложь ползет из уст его: «Я, государство, составляю народ». Это ложь!.. Где еще существует народ, не понимает он государства и ненавидит его... Но государство лжет на всех языках о добре и зле: и что оно говорит, оно лжет, - и что есть у него, оно украло».

Ницше призывал смотреть туда, где оканчивается государство, потому что там «начинается впервые человек, который не есть лишний».

Прочитируем для сравнения «Доктрину фашизма» Муссолини: «Для фашиста все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства... Вне государства нет индивида». И после этого сравнения кто-то еще будет причислять Ницше и де Лагарда к «идеологам фашизма»?

Немецкий философ Людвиг Клагес жил и умер вне германского государства. С точки зрения дуче, он «не существовал». Но кто лучше Клагеса развил учение Ницше именно в религиозном плане? Может быть, официальные национал-социалистические идеологи и философы? Не смешите меня.

И уж, конечно, не Хайдеггер. Он не столько старался понять Ницше, сколько доказать, что он умней и последовательней его. По словам Хайдеггера, Ницше только думал, будто он «преодолеет метафизику», а на самом деле ничего подобного. «Контр-движение Ницше против метафизики это просто опрокидывание ее и безвыходное запутывание в метафизике» (Holzwege, F.a.M. 1957. S. 200). «Ницше несмотря на все перевороты и переоценки метафизики неуклонно остается в русле ее традиций» (там же, с. 221). Метафизику Ницше Хайдеггер называет «метафизикой ценностей» (с. 210) и утверждает, будто «метафизика, которая как метафизика воли мыслит категориями ценностей» «наносит удар по самому Бытию», а посему «мышление ценностями метафизики воли к власти убийственно» (с. 242, 243).

Кое-кто считает самого Хайдеггера «убийцей метафизики». Но Пьер Шассар в специально посвященной Хайдеггеру работе (Heidegger. Genseits der Dinge. Wesseling. Verlag A. Tomas. 1993) задается вопросом, что же на самом деле представляет собой это драгоценное «Бытие», которое Хайдеггер грудью защищает от ударов Ницше, и обнаруживает в нем более или менее заметные черты Бога

христианской теологии. Более того, Хайдеггер понимает Бытие, как некоторые мистики – Бога. Для Хайдеггера Бытие это Ничто, как Бог для Майстера Экхарта. Онтология Хайдеггера это эмиграция из реальности в мир «по ту сторону вещей». Итог, подводимый Шассаром: мышление Хайдеггера это обновление монотеистической теологии и моно-онтологической метафизики.

Итак, человек, который обвинял Ницше, будто тот запутался в метафизике, сам в ней погряз. «Ничто – это само Бытие» это не выдумка Шассара, а формула самого Хайдеггера (Holzwege, S. 104), и шаг назад по сравнению даже с Шеллингом, для которого не было пустого, абстрактного «бытия» без его носителей.

Все немецкие идеалисты, от Канта до Хайдеггера, страдали одним грехом. О нем говорил Ницше устами Заратустры в главе «О мечтающих о другом мире»: «Страданием и бессилием созданы все другие миры... Усталость, желающая одним скачком, скачком смерти достигнуть конца...: ею созданы все боги и другие миры». «Но «другой мир» вполне сокрыт от человека, этот обесчеловеченный, нечеловеческий мир, составляющий небесное Ничто».

Ницше учил людей «не прятать больше головы в песок небесных вещей». Да, этот мир страшен, и из него очень хочется куда-нибудь сбежать, но другого мира – нет.

Обращаю внимание на формулировку Ницше «все боги», т.е. никаких исключений не делается. В. Иванов видел «трагическую вину Ницше» в том, что он «не уверовал в Бога, которого сам открыл миру» (Родное и вселенское, с. 34). Но Ницше подчеркнуто называл себя учеником философа Диониса, а не жрецом или пророком бога Диониса.

Дионис для Ницше был символом, а не объектом поклонения. Он сам писал, что не знает высшей символики, чем дионисическая. «В ней сосредоточен глубочайший инстинкт жизни, будущей жизни, вечной жизни, с религиозной точки зрения: путь к самой жизни, рождение как святой путь к ней». «Только в дионисических обрядах, в психологии дионисического состояния высказывается сущность эллинского инстинкта – его «воля к жизни». Что обеспечивал себе эллин этими обрядами? Вечную жизнь, вечное возвращение к жизни... торжество жизненной силы над смертью и переменами, настоящую жизнь как всеобщее продолжение жизни через... таинства чувственных отношений. Греки потому так и уважали самый символ этих отношений (как и шиваиты – А. И.), – в нем заключался глубокий смысл всего древнего благочестия».

«Желание жизни, даже в ее труднейших и суровейших задачах, воля к жизни, радующуюся собственной неисчерпаемости при жертвовании своими высшими представителями – это назвал я дионисическим» («Гении будущего»).

В. Иванов упрекал Ницше в том, что Ницше не разглядел в Дионисе «бога, претерпевающего страдание. Он знал восторги оргийности, но не знал плача и стонаний страстного служения, каким горестник жены вызывал из недр земных пострадавшего и умершего сына Диева». Дионис был для Ницше символом изобилия и чрезмерности, иступления от наплыва живых энергий. В Иванов высокомерно считал эту концепцию «узкой». По его собственной концепции, Дионис был в глазах древних людей «не богом диких свадеб и совокупления, но богом мертвых и сени смертной». И якобы только в пору своего душевного помрачения Ницше прозрел в Дионисе бога страдающего и осознал родство между дионисийством и христианством. (Родное и вселенское, с. 30).

Ницше, как уже говорилось, осознал совсем другое, а В. Иванов – жулик. Как прекрасный знаток античности он не мог не знать, что фракийский культ Диониса смешался с критским культом Загрея, одного из многих умирающих и воскресающих богов, к числу которых атеисты, не признававшие историчности Иисуса, приписали и Христа. Фракийский Дионис – совсем из другой оперы, а Ницше писал именно о нем. Сверка с шиваизмом начисто исключает страдающего Диониса.

Критиков Ницше хватает, толкователей тоже. К. Ясперс утверждал даже, что в философии Ницше «нет ни окончательной истины, ни положений, которые просто можно принять на веру... Философствовать вслед за Ницше значит постоянно утверждать себя в противовес ему». Формально Ясперс вроде бы следовал завету, данному в конце 1-й части «Заратустры»: «Вы еще не искали себя, когда нашли меня... Теперь я приказываю вам потерять меня и найти себя». Ясперс повторил, Хайдеггер так и сделал. Но Ницше далеко не всегда нужно понимать буквально. Христос не зря говорил со своими учениками притчами. Ницше тоже говорил «с горбатыми по горбату».

После смерти Христа прошло полтора столетия, прежде чем составилась христианский канон. Недавно отмечали 100 лет со дня смерти Ницше. Значит, задача ближайших десятилетий – составление ницшеанского канона, отбор из огромной литературы о Ницше тех толкований, которые призваны стать каноническими.

Герд-Клаус Кальтенбруннер не без иронии пишет о «церкви Клагеса», сектантской общине его учеников, для которых труды Учителя – Откровение и панацея (*Der schwierige Konservatismus. Nicolai. Herford und Berlin. 1975. S. 247*). Созданию «церкви Ницше», кроме иронии окружающих, будет мешать и то, что сам Ницше, хотя и понимал идею Вечного возвращения как Откровение, а не как теорию, созданную на рациональной основе, упорно противился тому, чтобы это откровение превратилось в религию, а он сам – в ее пророка, и, судя по воспоминаниям Луи фон Саломе, пытался подвести под эту идею научную базу.

Аргументы, которые Ницше при этом использовал, удивительным образом сходны с теми, которые мы находим в книге знаменитого французского революционера Л. О. Бланки «L'éternité par les astres». Разница лишь в том, что Бланки не разгуливал по Альпам, а сидел в тюрьме, и тем не менее с настоящим *amor fati* готов был снова повторить точно такую же жизнь.

Бланки писал свою книгу в 1871 году, в крепости Торо в Бретани. Жизнь Вселенной, по его мнению, это постоянное разрушение и созидание. Вечны только основные элементы материи, из которых создана вся Вселенная, все же формы ее – временны и преходящи. Но число комбинаций этих элементов должно быть ограниченным, хотя оно может быть и невероятно громадным. Эти основные комбинации или, лучше сказать, типы комбинаций должны повторяться.

Вся жизнь земного шара должна повторяться в бесконечном времени и пространстве. Повторяются с неумолимой необходимостью и все типы людей, живущих на Земле. «Что я пишу теперь в эту минуту в каземате крепости Торо, я уже писал и буду писать в вечности на том же столе, тем же пером, в том же платье и в точно таких же обстоятельствах». (Вера Бонч-Бруевич (В. М. Величкина). Жизнь и деятельность Луи-Огюста Бланки. Госиздат. 1920. С. 111-112).

Если бы Ницше так и остался на уровне Бланки, то речь шла бы о бесконечном повторении одного и того же. Но переводчик и комментатор Ницше К. А. Свасьян

призывает очень внимательно относиться к образному языку Ницше. Наверное, только немцы смогут правильно истолковать эти образы, учесть все нюансы. Взять то же выражение «die ewige Wiederkunft des Gleichen» - вечное возвращение чего? В немецком языке слово «gleich» имеет два значения – «одинаковый» и «подобный, похожий». М. Серрано в своей книге «Ницше и Вечное возвращение» упоминает о мало известных, отрывочных записях Ницше, в которых о Вечном возвращении говорится как о Круге, внутри которого конкретное Я располагает конкретным, хотя всегда ограниченным количеством различных жизней. Это позволяет с достаточной уверенностью переводить слово «gleich» как «сходное».

М. Серрано приходит в недоумение, когда Ницше, который не хотел быть основателем новой религии, вдруг начинает говорить об идее Вечного возвращения языком пророка: «С момента появления этой идеи все цвета меняются и история становится иной...» «Будущая история: эта идея будет одерживать всё новые и новые победы, и те, кто не верит в нее, полностью исчезнут». «На протяжении одной человеческой жизни сначала один человек, потом многие, потом все будут захвачены самой могучей идеей – идеей Вечного возвращения всех вещей. Для человечества это будет час Великого полудня».

М. Серрано видит здесь некое противоречие с учением о Вечном возвращении, аспект этого учения, который Ницше не прояснил, сохранил для себя и унес с собой. Прояснить не прояснил, но намек дал – в «Заратустре», в главе «О призраке и загадке». Заратустра в ней взбирается на гору, неся на себе карлика, олицетворение духа тяжести, и говорит ему: «И этот медлительный паук, ползущий при лунном свете, и этот самый лунный свет, и я, и ты, что шепчемся в воротах, шепчемся о вечных вещах, - разве все мы уже не существовали? И не должны ли мы вернуться и пройти этот путь впереди нас, этот длинный, плачевный путь, - не должны ли мы вечно возвращаться?» И вдруг карлик, ворота и паук исчезают, - Заратустра видит молодого пастуха, которому в рот заползла змея. По совету Заратустры пастух откусил змее голову, и – «ни пастуха, ни человека более, предо мной стоял преобразенный, просветленный, который смеялся. Никогда еще на Земле не смеялся человек, как он смеялся».

Заратустра предлагает слушателям (а Ницше – читателям) разгадать эту загадку: кто этот пастух, которому заползла в глотку змея? Легче, конечно, догадаться, кто змея, поскольку она издавна служит символом народа, слывшего до сих пор «богоизбранным», но вот кто пастух? О нем сказано, что он не человек и что такого никогда еще не было. Очевидно, речь идет о сверхчеловеке.

Вокруг сверхчеловека тоже навалено толкований выше крыши. М. Серрано почему-то убежден, что «нет ничего более далекого от дарвинизма, чем ницшеанская концепция сверхчеловека». Я извиняюсь, но Заратустра начинает свою проповедь о сверхчеловеке словами: «Что такое обезьяна в отношении человека?.. Тем же самым должен быть человек для сверхчеловека... Вы совершили путь от червя к человеку, но многое в вас еще осталось от червя. Некогда были вы обезьяною, и даже теперь еще человек больше обезьяна, чем иная из обезьян». Заратустра явно читал Дарвина и стал дарвинистом. Ницше критиковал Дарвина, но за другое – за его теорию «борьбы за существование». Соответствующую поправку в духе Ницше внес русский биолог А. Н. Северцов, который показал, что в ходе этой борьбы не обязательно побеждает «высший тип»: к числу наиболее процветающих видов принадлежат паразиты.

По мнению М. Серрано, названная концепция Ницше ближе к Ламарку, а еще ближе – к Тейяру де Шардену. Последнее утверждение особенно странно, поскольку за теорией «направленной эволюции» Тейяра явственно просматривается тот самый Бог, который для Ницше «умер». В эволюции и в истории, действительно, есть некая заданность, сколько бы ни воевал г-н Шассар против «финализма», только исходит она не извне, не от Бога, не от божественного Провидения, а имманентна самой жизни. Еще Аристотель ввел понятие энтелехии, а это греческое слово означает: «То, что имеет цель в самом себе». В начале XX века этот термин возродил Г. Дриш. Он отстаивал тот тезис, что суть органической субстанции не исчерпывается материальной структурой, а заключается в нематериальной потенции, энтелехии (Эрих Фёгелин. Раса и государство. Тюбинген. 1933. С. 49). Эрнст Крик применил это понятие к расе: «Раса это не вещь, не материальный вид, а закон ориентации и формирования, энтелехия» (Weltanschauung und Wissenschaft. 1936. Armanen-Verlag Leipzig. B. 1. S. 74). То, что Ницше, как художник, определял красивым немецким словосочетанием «Wille zur Macht», в принципе соответствует этому философскому и научному термину.

Но воля к власти по сути своей многосубъектна. Она предполагает власть над кем-то или над чем-то, кому или чему тоже хотелось бы властвовать. Так что правильной употребить слово «воля» в сочетании «воля к власти» во множественном числе. Энтелехия же – понятие более обширное, оно включает в себя и законы взаимодействия между этими волями, согласно которым определяется победитель. С древних времен народы догадывались о существовании этих законов и называли их Судьбой, Роком (в Индии – кармой).

Проблеме Судьбы посвятил особую главу своей книги «Человек в истории» Э. Крик. Он различал восточный фатализм и арийскую веру в Судьбу. Судьба, неоднократно говорил он, складывается из событий и характера, но «за характером стоит кровь, раса. Когда внешние события наталкиваются на расовый характер, способный оказать им сопротивление, то в борьбе рождаются герои, одерживающие победу, даже если они трагически гибнут... Эта победа разрывает цепи неизбежного, рокового» (Ernst Krick. Der Mensch in der Geschichte. Armanen-Verlag. Leipzig. 1940. S. 71). Увлеченный, как уже говорилось, национальным подъемом, Крик поверил, будто расовый характер может победить Судьбу. Ему суждено было убедиться в обратном.

Крику стоило бы перечитать «Энеиду» Вергилия, отнюдь не восточного поэта, то место, где говорится о смерти молодого Марцелла: «Юношу явят Земле на мгновение судьбы – и дольше жить не позволят ему». «Ни к чему благочестье и верность, мощная длань ни к чему». Т.е. «характер» противостоять Судьбе не может.

Богини Судьбы в верованиях древних греков, римлян и германцев стояли выше не только людей, но и богов. В системе миманса, одной из шести ортодоксальных школ индуизма, провозглашается нерушимость закона кармы и неотвратимость возмездия, а существование высшего божества отрицается (Helmuth v. Glasenapp. Brahma und Buddha. Berlin. 1926. S. 141). Буддизм также учит, что закон кармы работает независимо от какого-либо бога, колесо космического порядка движется без создателя (С. Радхакришнан. Индийская философия, т. 1. М. 1956. С. 302, 317).

Здесь кстати будет упомянуть о другой индуистской школе, веданте, которая объявила реальный мир иллюзией (майей) и тем самым толкнула индийскую мысль на скользкий и опасный путь. Ж. Л. Габен выражает сожаление по поводу того, что западные специалисты по Индии воспринимают индуизм, главным образом, через истолкованную на западный лад веданту, догматически упрощенную Шанкарой, а не

через ту традицию, последователем которой был А. Даньелу (Antaios. 6-7, июнь 1995).

М. Сerrано не придумал ничего лучшего, как назвать и концепцию Сверхчеловека «выдумкой», «иллюзией». Но о каких иллюзиях можно говорить, если Ницше даже указывает этапы на пути, ведущем к Сверхчеловеку: «Вы, сегодня еще одинокие, вы, живущие вдаль, вы будете некогда народом; от вас, избравших самих себя, должен произойти народ избранный, и то него - сверхчеловек» («Так говорил Заратустра», глава «О дарящей добродетели»).

Итак, на смену немцам, как избранному народу, родившему Ницше, идет другой народ, смешанный по составу. Точно так же христиане в древнем Риме считали себя «избранными», полагая, что унаследовали от евреев утраченное последними избранничество. С немцами Судьба, надеюсь, не обойдется так строго, как с евреями; они не отвергали Ницше, как евреи Христа, они только не сразу его признали. Поэтому, если основу нового избранного народа составят именно немцы (если у них самих хватит для этого жизненных сил), никто возражать не станет. Но войдут в него не только они.

Немецкие классики признавали «немцев по духу». Фихте писал: «Ты немец, если ты выдвигаешься сам, независимо от того, где родилось твое тело». И по определению Новалиса «немцы есть везде». Люди с германскими чертами характера встречаются в разных странах и лишь в отдельных местах преобладают. Стремление быть немцем это стремление к идеалу.

Избранный народ настоящего и будущего, немцы и не-немцы, это «церковь Ницше». И эта церковь еще ждет своего Павла. Вероятней всего, это будет тоже немец.

Правда, тот же Андрей Белый утверждал в одном из своих писем, что Ницше может быть правильно понят только на русской почве.

Август 2002 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ



Мнение автора сайта не всегда совпадает с мнением авторов публикуемых материалов!

